

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

Украина, Киев.
Государственная академия кадров культуры и искусств.
Кандидат философских наук, доцент, докторант.Ukraine, Kiev.
National Academy of Personnel Management / Center of Arts and Culture. Department of Theory and History of Culture.
PhD, Seigneur Lecturer.darenskiy@yahoo.com

КНИГА И МЕДИА-ТЕКСТ: ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В статье анализируется специфика книги как феномена виртуальности в культуре и его соотносительности с современным медиа-текстом. Сопоставлены функции книги и медиа-текста как средств целостного осмысления мира. Предложен компаративный анализ книги и текстов Интернет как средств воздействия на психику и экзистенцию человека.

Ключевые слова: книга, медиа-текст, Интернет, целостность, экзистенция.

Book and Media-text: Paradoxality of Succession

This article analyzes the specifics of a book, as a phenomenon of virtual reality in its correlation with media-text. The function of a book and media-text, as important remedies for a holistic worldview, are demonstrated in article. The comparative analysis of books and texts from the Internet, as regulators of the human psyche and existence, are proposed here.

Key words: book, media-text, Internet, holistic, worldview, existence

Интернет заменяет книгу,
как интернат родителей.
О. Бешенковская¹

«Виртуальная реальность», создаваемая современными техническими средствами, обычно кажется совершенно особым феноменом, не имеющим никаких аналогов в прошлом. Такое впечатление возникает в первую очередь именно вследствие новизны этих технических средств, но сама «реальность», конструируемая ими для человеческого восприятия, при более пристальном ее рассмотрении, оказывается по существу своему не новой, более того, в каком-то смысле вообще весьма традиционной, но лишь представшей в новой форме.

Действительно, сущностный парадокс виртуальной реальности сос тоит в том, что, будучи произвольной «конструкцией» человека, она способна приобретать над его сознанием власть, часто намного превосходящую власть самой «упругой плоти бытия» — т.е. природы и социума. Но нетрудно заметить, что в этом парадоксе, по сути, нет ничего нового и необычного, поскольку он не в меньшей степени свойственен самому сознанию как таковому и порождаемой им культуре как автономной системе смыслов. И особая «виртуальная реальность», ныне создаваемая специальными техническими средствами,

лишь доводит эту парадоксальность до наглядности. Тем самым, и термин «виртуальная культура», по большому счету, оказывается тавтологией — ведь культура как таковая в своем смысле «ядре» всегда «виртуальна» по самой своей природе, всегда требуя специальных усилий по «опредмечиванию» и «распредмечиванию» этого «ядра» — усилий, настолько привычно «вплетенных» в человеческую деятельность, что людям свойственно вообще их не замечать в силу привычки. Однако более узкое и специфическое понятие «виртуальная культура», обозначающее особый способ бытования культурных смыслов, свойственный именно современной эпохе, естественно, насколько не сводимо к этим инвариантам. Этот тип культуры может быть представлен и в традиционной форме (например, книг и рукописей), — но он *сущностно виртуален* именно в том смысле, что *не является органическим содержанием самой жизни, не составляя ее «предельных» смысловых оснований* (последние берутся откуда-то из других источников, либо вовсе отсутствуют). Он является некой автономной сферой игры со смыслами, без которой, впрочем, человек иногда уже не может обойтись — очевидно, в тех случаях, когда *вне* сферы игры смыслов практически не осталось.

В этом же контексте особый интерес представляет Книга (в качестве некоего культурного символа это слово может писаться с большой буквы) как особый феномен культуры. Появление Книги в свое время было исторически первым вторжением «виртуальности» в жизненный мир человека. Действитель-

¹ Цит. по: Носов М. И. Заменит ли Интернет книгу? // http://www.novokuybishevsk.ru/lib/Periodika/Slova9_03.htm

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

но, по сравнению со знаковой, которой был наполнен мир человека в дописьменную и докишную эпоху, Книга явилась чем-то совершенно особенным. Впервые появилась автономная, «замкнутая на себя» знаковая система, которая не была непосредственно «вплетена» ни в обычную человеческую жизнедеятельность, ни в особую практику сакральных ритуалов. (Богослужбное использование книг — это уже более поздний, вторичный, синтетический феномен; здесь книжная форма фиксации ритуальных текстов имеет в первую очередь, прагматический характер, ибо ритуальный текст — это всегда живой, голосом звучащий текст, а не «чтение»). Тем самым, Книга создавала свой особый «мир» внутри обычного человеческого мира — вплоть до того, что могла радикально противопоставлять себя последнему, представляя его как «неистинный» т.е. лишенный подлинных смысловых оснований.

Однако такой характер феномена Книги оказывается изначально амбивалентным: ведь способность создавать автономные искусственные «миры» может угрожать органической преемственности культуры. Уже на древнеавилонской клинописной табличке находим такие признаки кризиса культуры: «Настали тяжелые времена, прогневались боги, дети больше не слушаются родителей, и всякий стремится написать книгу»². То, что «всякий стремится написать книгу» означает, что всякий хочет создать свой особый «мирок», оторвавшись от универсального пространства культуры.

Современное медиaprостранство, развернутое в виде колоссального и необозримого Гипертекста, казалось бы, должно прочно удерживать человека в универсальном пространстве культуры, не позволяя ему обособиться в своем особом «мирке». Однако на практике, как правило, все происходит с точностью «до наоборот»: сталкиваясь с необозримостью Гипертекста, сознание человека переживает информационный шок, приходит в состояние особого стресса и растерянности. И для того, чтобы снова вернуться в состояние равновесия и органического контакта с реальностью (но теперь это уже особая медиа-реальность), сознание как раз и начинает выстраивать в рамках этой реальности свой частный, ограниченный и привычный «мирок» — то есть снова «всякий стремится написать книгу», только теперь эта «книга» представляет собой лишь совокупность индивидуальных маршрутов «прогулок в Интернете».

В целом можно утверждать, что современная медиа-реальность лишь разворачивает в особо наглядной и более «навязчивой» форме то, что уже было создано феноменом Книги: в первую очередь, сам феномен автономного мира знаков и символов, являющегося самодостаточным «микрокосмом», способным «поглощать» человеческое сознание в качестве универсального медиатора смыслов. Все это уже было создано феноменом Книги, а ныне развернуто в колоссальное пространство Гипертекста современных медиа. Как пишет В. В. Савчук, «Медиа оказывается не столько посредником, сколько *средой*, включающей в себя то, что прежде противостояло друг другу: мир небесный и земной, субъективную и объективную реальность, индивида и общество... Они уже не являются техническими посредниками, транслирующими нечто, что в них самих

отсутствует, что только через них передается, проходит, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания»³. Но все эти характеристики имплицитно уже присутствовали и в феномене Книги, но не были столь заметны, как в медиа.

Именно феноменом Книги впервые была создана в культуре и вторая фундаментальная характеристика медиа-реальности, о которой пишет тот же автор: «произошло слияние двух ранее разделенных сфер — мира и картины мира — до неразличимости... Идея объективного изображения реальности, адекватности образа отступает перед свободой выбора в отражении и интерпретации одной и той же реальности»⁴. Но именно феномен Книги впервые создал возможность «свободного выбора в отражении и интерпретации одной и той же реальности», возможность выстраивания авторских картин мира, через призму которых мы начинаем видеть и понимать «объективную реальность». Современная медиа-реальность благодаря особым техническим средствам лишь колоссально усилила эти возможности.

Вместе с тем, С. Лэш и С. Лари справедливо отметили своеобразный парадокс: с одной стороны, «медиа становится вещами», поскольку «образы и другие культурные формы суперструктуры оказываются сокращенными самой материальностью инфраструктуры»⁵: но, с другой стороны, сами «объекты глобальной культурной индустрии — виртуальные объекты»⁶. Тем самым, парадокс состоит в том, что виртуализация и «овещнение» реальности совпадают как по сути один и тот же процесс. Но даже и этот парадоксальный процесс также в свое время был начат именно Книгой. Именно Книга впервые «упаковала» целую «картину мира», в дописьменную эпоху «разбросанную» в большом массиве знаковой среды жизнедеятельности, в один небольшой предмет, который можно носить с собой и читать в любой момент. И, как это ни странно на первый взгляд, современная медиа-реальность в каком-то смысле возвращает нас к человеческому миру дописьменной эпохи. И дело здесь не столько в доминировании «визуальности» и «визуального мышления», сколько в том, что «картина мира» современного человека вновь перестала быть «упакованной» в компактный и целостный текст Книги (как некий прото-текст, являющийся органом мировосприятия), но опять стала разбросанной в неохватном пространстве знаковой и текстуальности. Разница лишь в том, что в дописьменных культурах знаковое пространство культуры было, во-первых, хорошо структурировано в ритуалах (как сакральных, так и бытовых), и во-вторых, органически «вписано» в окружающий эмпирический мир («космично»). Современная же медиа-реальность не «вписана» в этот мир, а противопоставлена ему как нечто самодостаточное; не «космична» для индивидуального восприятия, но скорее вносит в него хаос и переизбыток «информационных шумов»; наконец, ценностно не иерархизирована ритуалом,

³ Савчук В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / Под. Ред. В. В. Савчука. — СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. — С. 10.

⁴ Там же. С. 39.

⁵ Lash S., C. Lury. Global Culture Industry. — Cambridge: Polity, 2007. — P. 7.

⁶ Ibid. P. 182.

² Цит. по: Красная книга культуры. / Сост., подгот. текста, подбор и предисл. В. Рабиновича. — М.: Искусство, 1989. С. 189

ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

но наоборот, всячески поощряет индивидуальную прихоть и каприз.

Вопрос «Может ли Интернет заменить книгу?» в последние годы все чаще появляется в качестве предмета обсуждения, как в периодических печатных изданиях, так и на страничках самого Интернета, где видимое все усилие этим вопрошанием и ставится под вопрос. Некоторые типичные мнения, обнаруженные там, будут приведены далее, но в начале следует уточнить, о чем же на самом деле идет речь в самом этом вопросе. Это работа в первую очередь философа, чья профессиональная деятельность всегда состоит в прояснении смыслов, уже существующих, и в поиске и обосновании тех, которых еще нет. Поставленный вопрос — это в первую очередь вопрос об образе человека будущего; о том, каким человек может и хочет стать.

Первым этот вопрос поставил Умберто Эко еще в середине 1990-х годов. Его ответ был основан на исследовании первых размышлений о смысле самого письма, принадлежавших Сократу. Сократ же, как известно, считал письмо вредным изобретением, от которого деградирует человеческая память. В ответ на это У. Эко вполне обоснованно замечает: «если когда-то память тренировали, чтобы держать в ней факты, то после изобретения письма ее стали тренировать, чтобы держать в ней книги. Книги закаляют память, а не убаюкивают ее»⁷. Этот ответ, казалось бы, чисто «технический», связанный лишь с тренировкой памяти — но это лишь на первый взгляд. В действительности же он погружает наш вопрос в глубину фундаментальной философской категории *памяти* как способа бытия прошлого в настоящем. И у книги, как видим, в этом способе бытия есть свое ничем не заменимое место.

Современная львовская исследовательница М. Зубрицкая в работе «Номо legens: читання як соціокультурний феномен» (2004) использует еще одну идущую из античности метафору для прояснения особого экзистенциального смысла *книги как замкнутого, целостного внутри себя смыслового пространства*: «процессуальность творческих поисков *homo legens*, его попытки отыскать свою жизненную точку опоры с помощью литературы — это попытки, очень напоминающие стремление Архимеда найти гипотетическую точку вне Земли, которая давала бы возможность всеохватывающе и незаангажированно смотреть и видеть человеческий мир как на ладони»⁸. Итак, книга как конкретная целостность смысла и структурная замкнутость текста — это именно точка, причем точка, имеющая невероятную претензию стать «внеземной» точкой опоры. И эта претензия более чем законна, ибо порождена самой глубинной структурой человеческой экзистенции — неизбывным поиском и воспроизведением о-смысленности бытия. И совершенно очевидно, что такой точкой никак не может стать «мозаичность» текстов, аморфная и неохватная «ризом», навсквозь доступная в Интернете. И именно поэтому электронный текст никогда не сможет заменить Книгу — ибо только Книга есть *живая индивидуальность целостного Смысла*, а не просто какой-то фрагмент текста на светящемся экране. Далее мы конкретизируем этот тезис.

⁷ Эко У. Чи поглине комп'ютер книгу? // Книжкова тека. — Львів. — 1997. — 30 серп. — С. 4.

⁸ Зубрицька М. Номо legens: читання як соціокультурний феномен. — Львів: „Літопис”, 2004. — С. 316.

Итак, с самого начала понятно, что уже существующие книги никто уничтожать не собирается, каких бы чудес не достигла техника. Книги сами по себе такие же ценные памятники, как, например, старые здания, монеты или музыкальные инструменты. С другой стороны, понятно, что чтение текстов книг в электронном формате само по себе пока что не отменяет книгоиздания. Но может ли отменить в будущем? Это уже ближе к сути вопроса. Ведь на самом деле речь идет о том, несет ли *живое человеческое восприятие* книги в себе нечто такое, чего никогда не смогут дать строчки на светящемся экране?

И уже самый непосредственный опыт заставляет признать: да, несет. Но что же это такое, как это объяснить, и, наконец, что это нам говорит о самой сущности книги как ничем не заменимого явления культуры?

Вот некоторые типичные объяснения этого опыта незаменимости книги, которые можно найти в современных дискуссиях на эту тему:

«Считаю, что запаха новой книги, ощущения от переворачивания свежих страниц ничто не заменит. Да и вообще, чего стоит само чувство того, что держишь в руках новую книгу. Думаю, печатные книги не исчезнут никогда».

«НИКОГДА! люблю понюхать странички, потрогать переплет... книги — это вечное...»⁹.

В таком «физиологическом» восприятии книги на самом деле таится нечто большее: здесь книга воспринимается не как безличный «текст» о чем-то, но как *устойчивый факт целостного жизненного мира человека*, с которым он вступает в какие-то интимно-доверительные отношения. Иными словами, книга становится не только «источником знаний» или эстетических вдохновений, но неким *соучастником нашей судьбы*. Обычно соучастником весьма скромным, о котором мы вспоминаем лишь изредка, но иногда и таким, который определяет решающие повороты жизни нашей души и ума. У большинства людей есть такие «решающие» книги (хотя часто они сами этого и не осознают).

Впрочем, как это ни странно, такое восприятие книги свойственно далеко не всем, иногда им обделены даже «профессиональные» писатели (очевидно, в силу избыточного профессионализма). Вот что, например, говорит об этом популярный ныне романист Б. Акунин:

«Я думаю, что в скором времени бумажная книга станет объектом коллекционирования, а нормальной формой существования текста будет книга безбумажная, т.е. электронная. И это, по-моему, правильно. Во-первых, жалко переводить леса на целлюлозу. А во-вторых, электронная книга дает массу дополнительных возможностей»¹⁰.

Однако такое мнение является, скорее, исключением из правил. Так, в интервью, проведенном газете «Литературная Россия» № 48. 01.12.2006 на тему «Заменит ли Интернет книгу?» были получены следующие ответы.

«Станислав ЛЕСНЕВСКИЙ:

Книга и интернет — два самостоятельных вида культуры. При этом надо учитывать, что книга — древнейший вид куль-

⁹ «Это убьет то» // http://spectator.ru/internet/this_will_kill_that

¹⁰ Интервью с Б. Акуниным // <http://guest.yandex.ru/index.xml?id=263&typeid=34&mid=47625>

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

туры, а интернету — всего лишь несколько десятков лет. Поэтому интернет не только не вытеснит, но, наоборот, на мой взгляд, усилит, возвратит интерес к книге. Хотя, несомненно, какая-то часть людей теперь читает литературу только с экрана. Я бы охарактеризовал отношения книги и интернета как братья-враги.

Вадим ПАНОВ:

Скорее всего, книга и интернет будут существовать вместе, дополняя друг друга. Другой вопрос, чего будет больше — цифровой или бумажной литературы. Мне кажется, книга, художественная книга, сохранит свои позиции. Тут во многом всё зависит от восприятия текстов. Сужу по себе. Читать тексты с экрана у меня не получается: не могу полностью погрузиться в художественный мир; экран отвлекает, не даёт сосредоточиться.

Дмитрий ОРЕХОВ:

Нет. Потому что книга — это нечто изысканное. Любовь человека к книге, к библиотеке не пропадёт... что тиражи книг хоть и падают, зато качество полиграфии становится лучше. Книгу, по крайней мере, приятно держать в руках.

Валентина ТИШКОВА, учитель начальных классов:

Уверена — нет. Магия бумаги настолько сильна, что книга гибель не грозит. Даже относительно дешёвые карманные компьютеры, в которые можно вбивать тексты произведений, малопопулярны. Люди предпочитают читать в метро именно книги. А тем более — дома, лёжа на диване... Но как источник информации интернет необходим¹¹.

Таким образом, опрошенные писатели, литературоведы и педагог в обоснование своего мнения приводят аргументы, взятые из обыденного опыта. Таких аргументов достаточно, чтобы самому не отказываться от книги, но не достаточно, чтобы убедить в этом других. Далее мы попробуем изложить ряд аргументов, которые бы имели общезначимый характер. Начнем, как это ни странно, с замечаний, которые в какой-то степени оправдывают мнение о том, что бумажные книги отжили свой век. Во-первых, дело в том, что сама книгоиздательская практика последнего полувека уже подготовила пренебрежение к книге тем, что сделала ее «ширпотребом» по качеству и способу своего изготовления. До середины XX века художественные книги обычно были хорошо оформлены, иллюстрации создавали особое «живое лицо». Само издание в какой-то мере было художественным произведением, вступающим в резонанс с содержащимся в нем текстом.

Принцип этого «резонанса» хорошо сформулирован исследовательницей истории искусства книги Е. В. Завадской: «Японские и европейские мастера книги не только осознавали, но и остро чувствовали, что во всяком изображении, иллюстрирующем текст, неизбежно отсутствует полное совпадение между тем, что представлено в зрительном образе, и словесно

сформулированным содержанием... Отсюда постоянное стремление преодолеть этот разрыв, добиться либо гармонического сочетания изображения и слова, либо их противопоставления, также раскрывающего их внутреннюю связь, позволяющую глубже осознать это единство. Художники не переводили словесный образ в изображение, а создавали параллельный тексту изобразительный ряд, построенный по иным, чем законы словесного образа, принципам¹². Но нетрудно понять, что и современный медиа-текст часто выстраивается и оформляется по тому же самому принципу контраста-резонанса, который приводит во взаимодействие дискурсивное и визуальное мышление того, кто его воспринимает. Конечно, нынешнее искусство оформления медиа-текста явно уступает по своей смысловой и выразительной глубине искусству книги былых веков, но преемственность и здесь очевидна.

Главное отличие древнего искусства оформления книг состоит в его *энигматичности* — в том, что в структуру текста вносился элемент *тайны*, не постижимой дискурсивным разумом, но требующий разгадки, духовного наития. Например, «Древнерусские книжные инициалы были достаточно хитроумны, чтобы читающий мог вне текста их разгадать. Именно разгадать, потому что в том же Евангелии Хитрово прочитать как буквицу “В” змейку, с которой начинается “От Иоанна Святое Благовествование”, без начальной фразы просто невозможно. Равно как и цапля со змеей тоже могут сойти за рисунок на полях, за элемент книжного орнамента, но только не за букву. Так, с самого первого знака, читателю словно сообщалось, что чтение есть труд души и познания. А порой буквенные письмена могли быть и бессмысленными, превращаясь в разнородность орнамента, загадывая смотрящему на икону непосильную загадку, напоминая о непознаваемом¹³. Этот элемент тайны задает парадигму *возвращения*, пере-читывания — в отличие от текстов медиа, которые построены на принципе *отсылки* к другим текстам. В отличие от текста Книги, медиа-текст принципиально не самодостаточен.

Но и более поздние эпохи Книга сохраняла признаки произведения искусства: над ней работали «архитекторы» книги — художники-оформители. В них было много декоративных элементов: заставки, фигурные инициалы, рамки, концовки, выбор шрифта и др. Книга обычно радовала глаз благолепием и смотрелась, как символ и загадка. Обычно книгу покупали не сразу, копили на нее деньги, некоторое время созерцая ее на полке магазина — и еще не прочитанная, она уже становилась неким знаком будущей судьбы, обрастала ожиданиями. Тогда и чтение становилось неким, пусть и маленьким, открытием тайны, сбыванием созревшей мечты. Но вот появилась дешевая книга в самом простом переплете — и все вышеописанные переживания исчезли. Такую книгу, действительно, без всяких проблем можно заменить электронным текстом.

Во-вторых, до XX века едва ли не в большинстве семей существовала традиция семейного чтения хорошей художественной книги. Это чтение имело характер не только просвети-

¹¹ Заменит ли Интернет книгу? // Литературная Россия. — № 48. — 01.12.2006. — С. 3.

¹² Завадская Е. В. Японское искусство книги (VII-XIX века). — М.: «Книга», 1986. — С. 201.

¹³ Чернов А.Ю. Монограмма в рублевской «Троице» // Красная книга культуры. / Сост. и предисл. В. Рабиновича. — М.: Искусство, 1989. — С. 380.

ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

тельский, но и было своеобразным ритуалом, объединявшим семью общими мыслями и переживаниями. (Исторически такое чтение стало «заменителем» чтения вечернего молитвенного правила, которое было в православных семьях, в какой-то степени переняв его функции). Но в современном мире, где интересы поколений различны, а семья вообще не так часто собирается вместе, эта традиция исчезла. Для большинства современных людей она вообще показалась бы смешной. Но, соответственно, и сама книга утратила свой «ритуальный», семейный характер. Теперь каждый находит нужные ему тексты индивидуально, и все чаще именно в Интернете.

Со времен Книга породила и особый тип человека — библиотекаря. Если библиотекарь искренне увлечен своей работой, то он действительно уже сам по себе как человек представляет собой особый феномен культуры. В очерке В. Каверина «Библиотечный работник» можно найти удачную характеристику: «Книги собраны, стоят на полках. И вот тут-то начинается самое главное. В дело вступает одна из самых благородных профессий, требующая терпения, любви к делу, силы души... Для того чтобы стать одним из мастеров библиотечного дела, нужно не только любить книгу, не только знать ее, но и любить тех, в руки которых она попадает, проходя через твои руки. Работа с книгой — это работа с людьми»¹⁴. Библиотекарь — сам по себе феномен «медиа», некий медиатор, но особенный. Он не просто советчик по выбору книг — он вживается во внутренний мир читателя, становится участником его душевного и интеллектуального развития, а стало быть, и сопричастником его судьбы. Удачно посоветованная книга может перевернуть всю жизнь человека — если библиотекарь проникнет в его душу.

К сожалению, такая функция «медиа», на которую был способен настоящий библиотекарь, в современной «медиа-реальности» отсутствует и, видимо, в принципе невозможна. При этом явно имеет место своеобразная *квазиритуальность* медиа-текста в смысле его способности «поглощать» сознание в процессе «дурной повторяемости» действий: «Медиазависимость обладает той же логикой формирования, как и наркотическая: логикой неумолимого прогресса зависимости, логикой утраты воли и сфокусированности на модели привычного удовольствия... компьютер из орудия вычисления становится средой (сетью) жизни, а сама полнокровная жизнь — потоком электронных образов»¹⁵. Этот процесс и служит «заменителем» той позитивной вовлеченности в мир книг и во внутренний мир книги, всегда сопряженный и с глубоким межличностным общением, который здесь уже совершенно утрачен.

Впрочем, в былые времена «ритуальное» восприятие Книги как некоего друга, советчика и спутника жизни имело место и в сугубо индивидуальном чтении. Английский писатель-романтик, современник А. С. Пушкина, Ли Хант очень тонко передал это ощущение самого *присутствия* книг как особого состояния

души, которое ничто не может заменить: «зимой, уединившись у себя в кабинете... я задумался о том, как я люблю авторов этих книг; люблю не только за те радости, которые приносит чтение, но и за то, что они научили меня любить сами книги и радоваться самой их близости»¹⁶. Многие ли из современных людей поймут, о чем здесь сказал автор?

Наконец, в-третьих, многие пороки в восприятии электронного текста, свойственные «обитателям Интернета», на самом деле существовали и ранее в форме так называемой библиомании. Французский классик XIX века Шарль Нодье в новелле «Библиоман» показал тот особый тип любви к книге как таковой — как особому явлению, вызывающему восхищение и любовь, но который, однако, приводит к результатам, прямо противоположным тем, ради которых книги создаются. Его герой, библиоман господин Тур «потратил так много сил на бесплодное изучение буквы множества книг, что у него не хватило времени постичь их дух»¹⁷. Основной его интерес неизменно состоял в коллекционировании книг именно как уникальных артефактов, — естественно, что большинство книг при этом им читались, но с одной целью: просто, чтобы лучше с ними познакомиться, а отнюдь не для того, чтобы самому измениться под их влиянием. Иными словами, здесь книги *не изменяли жизнь, а подменяли ее*. Зато огромный и кропотливый труд коллекционирования давал библиоману особое ощущение своей избранности, своей особой значимости для всего человечества. Как с иронией замечает сам автор: «Даже если все плоды типографского искусства погибнут во время революции, которая не замедлит разразиться в результате постоянного совершенствования нашего общества, это не помешает господину Туру оставить потомкам полный каталог универсальной библиотеки. Без сомнения, предусмотрительность, с которой господин Тур загодя начал составлять опись нашей цивилизации, достойна восхищения. Через несколько лет это уже никому и в голову не придет»¹⁸. Но, как оказалось, «никому и в голову не придет» лишь составлять опись цивилизации в виде бумажной библиотеки, но наоборот, это станет сверхцелью на ином уровне технологий. Так что этот «господин Тур» оказался своего рода пророчеством будущего, которое наступило.

В восприятии электронных текстов нетрудно увидеть полную аналогию тому, что ранее было бесплодной библиоманией: 1) жадное проглядывание и коллекционирование текстов с утратой навыков вдумчивого чтения (неумение «постичь их дух»); 2) иллюзорное всезнайство, возникающее вследствие быстрой доступности любого текста, где мировая «сеть» и представляет собой тот самый «полный каталог универсальной библиотеки». Так две эти крайности парадоксальным образом сходятся: отказ от книг в пользу «сети» оказывается движим теми же самыми пороками человеческого мышления, вследствие которых ранее возникал и книжный фетишизм — «библиомания».

¹⁴ Каверин В. А. Библиотечный работник // Вечные спутники: Советские писатели о книге, чтении, библиофильстве / Сост. А. В. Блюм. — М.: Книга, 1983. — С. 170.

¹⁵ Савчук В. В. Медиафилософия: формирование дисциплины // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия / Под. Ред. В. В. Савчука. — СПб.: Санкт-Петербургское Философское общество, 2008. — С. 20.

¹⁶ Ли Хант. Фрагменты эссе и статей // Корабли мысли. Зарубежные писатели о книге, чтении, библиофилах. — М.: Книга, 1980. — С. 122.

¹⁷ Нодье Ш. Библиоман // Нодье Ш. Читайте старые книги. Новеллы, статьи, эссе о книгах, книжниках, чтении. — М.: Книга, 1989. — С. 48.

¹⁸ Там же. С. 42.

ДАРЕНСКИЙ Vitaliy Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

В этом контексте весьма интересны и психологические особенности «обитателей Интернета» — главных «потребителей» электронных текстов. Интересные результаты даёт исследование Н. В. Чудовой, которая, используя проективные методики психологического исследования, установила, что для «обитателей Интернета» характерны следующие проблемы: 1) сложности в принятии своего физического «Я»; 2) сложности в непосредственном общении; склонность к интеллектуализации; 3) чувство одиночества и недостатка взаимопонимания. При этом исследователь отмечает для анализируемой группы склонность к негативизму, фрустрацию потребностей, компенсацию тревоги бунтарством и отказом от общепринятых норм, а также завышенные представления о своем идеальном «Я». В эмоциональной сфере «обитатели Интернета» стремятся к снижению напряжённости, используя три основных приёма: стремление решать любые жизненные задачи только интеллектуальными средствами; подчёркивание «уникальности» своей личности в качестве защиты от внешней социальности; негативизм и отвержение социальных норм. Поэтому «внутреннее одиночество», — отмечает исследовательница, — в такой картине мира становится системообразующей категорией, а в общении ведущим оказывается информационный компонент¹⁹. Но ведь это тот самый портрет «библиомана»! «Обитатель Интернета» может жадно читать очень многое — но отнюдь не для того, чтобы самому измениться под влиянием читаемых «текстов», не изменить и возвысить жизнь, но, наоборот, чтобы лишь защитить свое хрупкое неизменное эго с помощью иллюзии причастности к «гиперреальности». Этот термин ввел Жан Бодрийяр для обозначения такой ситуации, когда «ирреальность» подлинной жизни компенсируется огромным избытком текстуальности, в которой можно играть в «жизнь»²⁰.

Но человек, привыкший к такому восприятию любых «текстов», не способен уже воспринять книгу не как «текст», но именно как Книгу в символическом смысле — как особый мир, в котором нужно уметь жить и своей, и ее собственной подлинной жизнью. Что это значит? Книга как Книга — независимо от того, кем и чем она написана, всегда есть, как говорит нам П. Клодель, «лаборатория воображения, экран для лучей волшебного фонаря, где дух, не удовлетворенный грубым скоплением живых существ и событий в повседневной жизни, пытается с помощью вымысла упорядочить мир, установить ясные и гармоничные соотношения»²¹. А ведь это нечто прямо противоположное тому, чем занят человек, лишь читающий «тексты» ради погружения в «гиперреальность»! Вместо мира, упорядоченного в Космос, обитатель «гиперреальности» погружен в хаос «мозаичности» любых легко доступных «текстов». Для того чтобы научиться воспринимать Книгу, знатоку «текстов» нужно в своем сознании сделать поворот на 180 градусов. Не случайно последнее эссе Умберто Эко на эту тему называется

«От Интернета к Гуттенбергу»²² — ведь теперь человеку, поработавшему современными информационными технологиями, нужно научиться проделывать обратный путь — к истокам и базовым навыкам культуры, которые им прочно забыты.

Общение с Книгой относится именно к таким навыкам. Книга имеет границы своего текста — и это учит человека вычитывать всеобщий смысл в ограниченном пространстве ее темы и сюжета — и точно также, по бытийной аналогии — находить универсальный, неотменимый смысл уже и в своей собственной судьбе, также начинающей восприниматься как незаконченная книга. Это, собственно говоря, один и тот же процесс: чтобы воспринять книгу как Книгу, нужно самому стать «книгой», книгой свободно творимой своей собственной судьбы. Книга есть символ судьбы, поскольку замкнута на себя и открыта Другому. В «гиперреальности», в «мозаичности» легко доступных «текстов» этого нет — и поэтому там нет, и не может быть Книги.

Культура восприятия текста как Книги исторически происходит из великих религиозных традиций и возникла в процессе чтения и осмысления священных текстов, являющих Слово Божие. Позднее, в эпоху книгопечатания, этот навык был перенесен и на книги светские — научные, художественные, учебные. Это была эпоха Модерна. Кризис Модерна протекает в форме общего явления, которое можно условно назвать *неоварварством* как доминантой современной цивилизации. Впервые об этом писал еще Х. Ортега-и-Гассет: «по отношению к той сложной цивилизации, в которой он рожден, европеец, входящий сейчас в силу, — просто дикарь, варвар, поднимающийся из недр современного человечества»²³. Главной причиной этой вторичной варваризации является формирование «потребительского общества», в котором оказывается «избыточным» все, что выходит за рамки индивидуализма и прагматики — стремления ко все большему комфорту и удовлетворению витальных потребностей (которые становятся все более искусственными), — в первую очередь, базовые духовные ценности и культурные навыки, унаследованные нами от «традиционного общества». Способность общения с Книгой — это как раз один из таких хрупких навыков, который так же легко утратить, как и очень трудно возродить. Еще Г. Гессе отметил очень симптоматичный факт: привычка к регулярному чтению книг в качестве массового явления разрушается параллельно с ростом сети библиотек и ростом массы книжной продукции. Труднодоступность создает ценнейшее ощущение «магичности» Книги как целостного мира, как удивительного «окна», открывающего нам всегда новый взгляд и на мир внешний, и на наш собственный внутренний мир. На книгу как модель судьбы. Общедоступность убивает ценнейшую для нас «магию книги», без которой книга перестает быть судьбой и становится лишь «текстом» — носителем «информации»²⁴.

¹⁹ Цит. по: Дьяков А. В. Гностицизм и маргинализм: продолжение традиции или паразитирование? // Журнал «Точка перехода» // <http://luxaur.narod.ru/biblio/2/tr/diakov01.htm>

²⁰ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. — Львів: „Кальварія”, 2004. — С. 125.

²¹ Клодель П. Философия книги // Человек читающий. НОМО LEGENS. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества. — М.: Прогресс, 1983. — С. 160.

²² Эко У. От Интернета к Гуттенбергу // <http://spectator.ru/texts/frominternet>

²³ Цит. по: Ремизов М. Модернизация против модернизации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста: Сб. — М.: АСТ, 2004. — С. 204.

²⁴ Гессе Г. Магия книги // Гессе Г. Письма по кругу. — М.: Прогресс, 1987. — С. 185.

ДАРЕНСКИЙ Виталий Юрьевич / Vitaliy DARENSKIY

| Книга и медиа-текст: парадоксальность преемственности |

В заключение стоит вспомнить об одной важной исторической аналогии.

Как известно, в апреле 1563 года по велению царя Ивана Грозного и по благословию митрополита Макария, диакон церкви св. Николы Гостунского в Кремле Иван Федоров со своим помощником Петром Тимофеевым Мстиславцем начали работу над книгой «Апостол», которая была закончена в марте 1564 года. В послесловии к «Апостолу» печатники сообщали, что эта книга издана для «украшения» новых храмов, построенных в Москве и Казани. В Москве Иван Федоров выпустил всего две богослужебные книги: «Апостол» и «Часовник» (в двух изданиях). Но затем он вынужден был покинуть Московскую Русь и переехать в Русь Литовскую, сначала в Заблудов, затем в Острог и во Львов. Обычно считается, что покинуть Москву Федорову пришлось из-за противодействия «консервативно настроенного» духовенства. Впрочем, под этим «консерватизмом» почему-то подразумевается вещь вполне современная — а именно, боязнь переписчиков книг остаться без заказов. Однако роль столь приземленных мотивов явно если не целиком надумана, то уж очень преувеличена — ведь книгопечатание было с самого начала особым «делом Государевым», перечить которому тогда никто бы не посмел. Но в некоторых свидетельствах того времени мы встречаем и истинную причину такого внезапного неприятия печатных книг — причину чисто духовного порядка, которую, к сожалению, будет не очень легко понять современному человеку. Сам процесс *бездушного тиражирования* Слова Божьего с помощью мертвой машины, а не живой человеческой руки (а также и без сопровождения непрестанной умной молитвы), — именно это вызвало поистине мистический ужас у тогдашнего человека. Именно поэтому Федоров был назван «колдуном» — и это был вовсе не злобный навет, но совершенно искреннее выражение упомянутых чувств у людей тех времен, времен почти всеобщей праведности.

Но дух оказался сильнее механической буквы — и уже очень скоро к печатным книгам привыкли. Однако, тем не менее, самые заветные свои мысли и молитвы человек все равно продолжал записывать от руки и по сей день. От руки пишутся

дружеские письма и стихотворения. Что будет, если написать письмо любимому человеку на клавишах и распечатать его на принтере? Это будет воспринято как тяжкое оскорбление и пренебрежение. Такова «магия» живого текста — и она будет всегда. И тем, чем в свое время Книга стала для живого текста, ныне для Книги становится электронный текст. В свое время человек победил Книгу силой своего духа, ныне точно так же он победит и Интернет. Но, в отличие от последнего, без Книги уже никогда не обойтись.

Подводя итог, можно сделать следующие обобщающие выводы. Книга сохраняет особую «магическую» функцию в культуре не только благодаря своему сверхэмпирическому воздействию на психику и экзистенцию человека, но и как *особое, ничем не заменимое средство смысложизненной рефлексии, выступая в качестве «органа» целостного осмысления бытия*. В то же время «ризомы» текстовых массивов Интернета в этом отношении действует на человека прямо противоположным образом, формируя у него дезинтегрированное «мозаичное» сознание. Книга как целостный духовно-материальный феномен выступает в качестве «органа» человеческой судьбы: «Книга есть символ судьбы, поскольку замкнута на себя и открыта Другому». Книга как уникальная целостность выступает в качестве модели значимых человеческих отношений; в то же время сам факт «общедоступности» текстов в Интернете разрушает благоговейное, по настоящему серьезное отношение к культуре. Впрочем, это последнее обстоятельство не следует воспринимать как однозначно негативное. Дело в том, что названное разрушение само по себе амбивалентно: оно очень скоро начинает вызывать ответную реакцию в виде поиска человеком некоего прото-текста, который бы мог служить смысловой матрицей понимания всех эмпирических текстов, которые его окружают, которые его «поглощают» в медиа-реальности. Но это ведь не что иное как взыскание Книги в первичном, символическом смысле этого слова! Таким, образом, сам медиа-текст, сначала «изживая» в себе проблемную метафизику Книги, затем словно «методом от противного», снова действительно возвращает нас к ней.

